

А. Е. Павленко

ГРЕЧЕСКО-РУССКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ГОВОРОВ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ

По сложившейся традиции, территориальные диалекты русского языка в России большим авторитетом не пользуются, и их не принято считать важной частью культурного наследия. Прямо или косвенно, они осуждаются обществом как отступление от нормы и приравниваются к просторечию. Не вдаваясь в теорию диалектологии, напомним лишь, что исторически все говоры или диалекты, т. е. территориальные языковые варианты, равны. Не стань Москва столицей, мы вполне могли бы сейчас говорить на совсем другом литературном русском языке – например, с оканьем или цоканьем, – а московский говор мог бы оказаться среди тех вариантов речи, от которых преподаватели-русисты стараются отучить школьников.

В России, как и в некоторых других странах с высоким уровнем централизации, общество игнорирует диалекты, и даже многие из тех, кого принято называть деятелями культуры, относятся к диалектам безразлично или отрицательно. Диалекты русского языка практически никак не представлены в театре, СМИ или рекламе. Конечно, этот пласт народной речи изучают филологи. Обращаются к нему и некоторые литераторы. Однако это, скорее, удел узкого круга интеллектуалов. У нас не найдешь такого изобилия публикаций о диалектах и на диалектах, как в странах Западной Европы – Великобритании, Германии, Италии и др. Конечно, традиционные формы речи подверглись у нас большому разрушению из-за массовых переселений, войн, репрессий и прочих исторических перипетий. Как и языки, диалекты могут приходить в упадок и могут умирать, однако на любом этапе своего развития они заслуживают изучения и популяризации (естественно, не в ущерб литературному языку). Игнорируя их, мы неизбежно обедняем нашу культуру и в очередной раз оказываемся «иванами, не помнящими родства».

Диалектология, изучающая территориальные варианты языка, сталкивается с многочисленными любопытными явлениями, обусловленными языковыми контактами. Одно из них – смешение диалектов городского населения. Такое смешение наблюдается, например, в языке группы жителей, составляющих в данном городе этническое и языковое меньшинство. При этом язык меньшинства приобретает черты родного языка большинства жителей города. Однако бывает и наоборот, когда некоторые черты языка городского меньшинства влияют на язык большинства населения. В рамках подобных процессов социальные диалекты (социолекты) могут переплетаться с диалектами территориальными и оказывать на них существенное влияние. Примером такого развития является таганрогский говор XIX – первой половины XX в.

Город Таганрог относительно молод – после его восстановления в период правления Екатерины II прошло всего 240 лет. Но за это время местный говор успел сформироваться и под влиянием разных обстоятельств претерпеть серьезные метаморфозы. Тех, кто знаком с историей Таганрога, не удивит предположение о том, что на местный разговорный русский повлияла речь многочисленной и влиятельной

греческой общины. Цифры говорят сами за себя. Согласно переписи 1872 г., среди 1807 купцов, проживавших в то время в городе, русских и украинцев было 334, греков – 481, евреев – 242, немцев – 30 и т. д. Эти данные позволяют судить об участии таганрогских греков в экономической и общественной жизни города и округа относительно других местных этнических групп. Не будем подробно останавливаться здесь на истории греческого переселения в северное Приазовье в екатерининские времена – этой теме посвящены многочисленные исследования, включая раздел в «Истории города Таганрога» П. П. Филевского, изданной к двухсотлетию юбилею города в 1898 г. Напомним лишь, что начало этому процессу положили победа России над Турцией в 1774 г. и ознаменовавший ее Кучук-Кайнарджийский мирный договор, а также последовавший за этими событиями рескрипт Екатерины II от 28 марта 1775 г., предписывавший главнокомандующему графу А. Г. Орлову, создать условия для переселения союзников России - греков и албанцев – в отвоеванные южнорусские владения [См.: 1, с. 92 – 93]. Необходимо также отметить, что население Таганрога и округа пополнялось за счет греков - выходцев из Эгейского архипелага и континентальной Греции, являвшихся, естественно, носителями греческого языка, тогда как соседний Мариуполь, возник прежде всего как поселение крымских греков, говоривших в большинстве своем на крымско-татарском языке [Там же, с. 107]. В связи с этим языковая ситуация в Таганроге и Мариуполе, несомненно, с самого начала должна была иметь существенные отличия.

Необычные явления в речи русского населения Таганрога отмечал выдающийся российский языковед А. А. Шахматов. В своем известном учебнике «Введение в курс истории русского языка», вышедшем в Петрограде в 1916 г., он пишет: «Всякие изменения в языке имеют своим источником явления индивидуальной языковой жизни... господствующие элементы, даже отдельные личности, к ним принадлежащие, вызывают подражание, иногда и сознательное... Для иллюстрации этого положения я сошлюсь на некоторые *диалектические* явления в русском языке. На юге России в городах Азовского побережья распространено, преимущественно среди женщин, произношение *с* вместо *ц* (*сарь* вместо *царь*); по сообщению исследователей – это результат подражания греческому населению, играющему значительную роль в экономической жизни населения юга» [2, с. 83].

А. А. Шахматов не одинок в своих наблюдениях. Донской этнограф и краевед Е. П. Савельев еще в 1908 г. отмечал сходные явления в речи низовых казаков, в которой «...замечаются остатки какого-то особенного древнего говора, это говор, известный под названием «черкасского». Фонетические особенности этого говора заключаются в следующем: шипящие звуки *ж*, *ч*, *ш* и *щ* в нем заменяются свистящими *з*, *ц*, *с* и *сц*: *Миса* – *Миша*, *криса* – *крыша*, *уз* - *уж*, *невозможно зить* – *невозможно жить*... и т. д. Говор этот с друга ми особенностями, как-то: *ми*, *ви*, *оны*, *помол* – *помыль*, *накрол* – *накрыл*, сохраняется в настоящее время преимущественно среди женщин, не получивших современного школьного образования...» [3, с. 11]. Е. П. Савельев ссылается на другого автора, В. Ф. Соловьева, который полагал, что «...на образование черкасского говора имело влияние и сношение казаков с греками, которые, как известно, многих наших шипящих звуков совсем не выговаривают, заменяя их свистящими, а также не выговаривают и нашего твердого *ы*, заменяя его *и*, и при разговоре как бы «сюсюкают» [Цит. по: 3, с. 11].

Особенности говора обрусевших греков нашли свое отражение в русской литературе XIX – начала XX в. Здесь, конечно, нельзя не упомянуть колоритного

персонажа чеховской одноактной пьесы «Свадьба» – грека Харлампия Спиридоновича Дымбу – с его характерным акцентом. Вспомним эти строки:

Жигалов (Дымбе). А тигры у вас в Греции есть?

Дымба. Есть.

Жигалов. А львы?

Дымба. И львы есть. Это в России ниЦего нету, а в Греции все есть.

Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ниЦего нету.

По-видимому, именно ломаный русский местных греков, подобный «дымбовскому», вызвал упомянутые изменения в речи коренного русскоязычного населения. Е. П. Савельев добавляет, что это «характерное смешение шипящих звуков со свистящими, т. е. «сюсюканье», и теперь довольно рельефно сказывается в говоре жителей на всем северном и восточном побережьях Черного и Азовского морей» [Там же]. Действительно, в области консонантизма в говорах местного славянского населения наиболее заметными были следующие изменения, которые сформировались под влиянием речи греков Приазовья и получили широкое распространение:

1) некоторые согласные, обычно твердые во всех прочих вариантах русского языка, в говорах северного Приазовья подверглись палатализации. Примерами могут служить слова *пышка* [pʲiʃka] – [pʲiʃka]; *рынок* [rʲinak] – [rʲinak]; *рыба* [rʲiba] – [rʲiba] и др.;

2) фрикативный постальвеолярный [ʃ] *перешел во фрикативный зубной* [s]: *крыша* [krʲiʃa] – [krʲisa]; *Машиа* [maʃa] – [masa] и др.;

3) в ряде случаев сибиллянты подвергались палатализации: *касса* [kasʃa] – [kasʲa] и др.

Некоторые коренные таганрожцы старшего и среднего возраста, несомненно, помнят, как их родители, дедушки и бабушки смягчали начальный согласный в упомянутых выше словах. Сейчас эти особенности таганрогского говора в прошлом, и молодое поколение о них может даже не знать. Однако было бы жалко предать забвению эту примечательную страницу в истории нашего языка.

Для того чтобы определить, как именно развивались эти языковые процессы в Таганроге и в других близлежащих населенных пунктах, каковы были их масштабы и результаты, нами был разработан проект, получивший рабочее название «Влияние речи греческого меньшинства на русские говоры северного Приазовья». Исходные положения теории и методологии, а также некоторые предварительные результаты обобщены нами в докладе, который был включен в программу IV-й Международной конференции по современной греческой диалектологии и теории языка, организованной совместно университетами г. Патры (Греция), штата Огайо (США) и г. Гент (Бельгия). Конференция проходила с 11 по 14 июня 2009 года на о. Хиос (Греция).

На основе имеющихся данных можно подытожить основные фонетические особенности русского языка таганрогских греков, оказавшие влияние на говор местного славянского населения:

1) постальвеолярная аффриката /tʃ/ перешла в альвеолярную аффрикату /tʃ/;

2) альвеолярная аффриката /tʃ/ перешла в альвеолярный глухой фрикативный /s/;

3) постальвеолярный звонкий фрикативный /z/ перешел в альвеолярный звонкий фрикативный /z/;

4) постальвеолярный глухой фрикативный /ʃ/ перешел в альвеолярный глухой фрикативный /s/;

5) в ряде контекстов наблюдалась палатализация согласных;

б) кроме того, закрытый гласный среднего ряда /i/, которому предшествует твердый согласный, был заменен закрытым гласным переднего ряда /i/, после мягкого согласного.

Собранные свидетельства показывают, что на определенном этапе славянское, преимущественно городское, население, особенно женская его часть, начало имитировать вышеупомянутые фонетические особенности речи местных греков, имевшей в обществе высокий престиж. Что касается языковой вариативности по половому признаку, то мысль о том, что особую роль в распространении вышеупомянутых особенностей могла сыграть женская часть населения, подтверждается объективными результатами изучения конкретных сообществ. Так, это вполне согласуется с выводами классика американской социолингвистики У. Лабова, который еще в своих пионерских полевых исследованиях речи Нью-Йорка в 60-е гг. XX в. установил, что речь мужчин и женщин в одном и том же коллективе может существенно различаться, причем у женщин она в целом оказываются ближе к наиболее престижному варианту [Цит. по: 5, с. 116]. Эти выводы нашли свое подтверждение и в работах английского исследователя П. Традгилла, изучавшего социальную вариативность речи жителей города Нориджа, проводившихся в начале 70-х гг. Традгилл установил, что женщины гораздо чаще, чем мужчины, склонны к использованию некоторых морфонологических особенностей, ассоциирующихся с наиболее престижными вариантами речи. Этот факт свидетельствует о том, что именно женщины могут становиться инициаторами и проводниками так называемых языковых «изменений сверху» (термин У. Лабова) [Цит. по: 5, с. 114].

Приобретенные русскими городскими говорами в результате языковых контактов новые фонетические черты широко распространились по всему северному побережью Азовского моря, а также проникли в города и станицы юга Области Войска Донского. По-видимому, сравнительно быстро – в течение нескольких десятилетий – упомянутые употребления превратились в характерные структурные особенности некоторых говоров славянского населения, т. е. более не являлись осознанной или неосознанной имитацией.

С суждениями о том, что рассматриваемые черты являются прямым или косвенным результатом древних языковых контактов, имевших место еще во времена древнегреческой колонизации, согласиться, конечно, нельзя [Ср.: 3, с. 14 – 13]. Такое предположение представляется лишенным всяких оснований, поскольку на протяжении многих веков в северном Приазовье языковая преемственность неоднократно нарушалась в результате массовых переселений, чередовавшихся с длительными периодами запустения и безлюдья.

В дальнейшем предполагается провести ретроспективное исследование языковой ситуации в городе Таганроге и прилегающем регионе, чтобы уточнить параметры социалемы (языкового коллектива) упомянутого «греко-русского» говора и его влияния на речь славянского населения. Главная трудность в осуществлении данного проекта заключается в том, что упомянутые выше языковые особенности за послевоенный период, практически, полностью отмерли, и мы в своей работе можем полагаться лишь на такие источники, как материалы переписей населения, свидетельства старожилов, мемуарная литература, художественная проза и др.

Исследование проводится в ключе диахронической социолингвистики, занимающейся изучением динамики соотношения «язык – социалема – социум», а

также диалектологии. В процессе изучения языковых контактов особое внимание мы уделяем вопросам вариативности по возрастному, половому и профессионально-сословному признакам. Большой интерес представляет, также, уточнение временных параметров формирования и закрепления данных фонетических особенностей в говорах славянского населения.

Литература

1. **Филевский П. П.** История города Таганрога (репринтное издание) / П. П. Филевский. – Таганрог : Сфинкс, 1996. – 392 с. 2. **Шахматов А. А.** Введение в курс истории русского языка / А. А. Шахматов. – Ч. I. – Петроград : Типогр. «Научное дело», 1916. – 146 с. 3. **Савельев Е. П.** Типы донских казаков и особенности их говора Е. П. Савельев. – Новочеркасск : Обл. Войска Дон. типогр., 1908. – 15 с. 4. **Соловьев В. Ф.** Особенности говора донских казаков / В. Ф. Соловьев. – СПб. : Типогр. Импер. Акад. наук, 1900. – 52 с. (Сб. Отделения русского языка и словесности ИАН, т. LXVIII, № 2). 5. **Aitchison J.** Linguistics. An introduction / J. Aitchison. – 2nd ed. – London : Hodder and Stoughton, 2005. – 245 p. 6. **Labov W.** The social stratification of English in New York City/W. Labov // Urban dialect series. – Vol. 1. – Washington, C. : Center for Applied Linguistics, 1966. – 266 p. 7. **Trudgill P.** The social differentiation of English in Norwich / P. Trudgill // Cambridge Studies in Linguistics 13. – Cambridge: Cambridge University Press, 1974. – P. x; 211.

На формування говірки м. Таганрога й деяких інших населених пунктів північного Приазов'я істотний вплив у XIX ст. справила мова впливової грецької меншості. Слов'янське населення міста, особливо жіноча його частина, на певному етапі стало імітувати деякі характерні фонетичні особливості мови місцевих греків, що мала в суспільстві високий престиж. Ці придбані межі поширилися по всьому північному узбережжю Азовського моря, а також проникли в міста й станиці півдня Обл. Війська Донського. Запозичені фонетичні межі порівняно швидко перетворилися на структурні особливості говору слов'янського населення й більш не були усвідомленою або неусвідомленою імітацією. Той факт, що саме жінки можуть ставати ініціаторами й провідниками так званих мовних «змін зверху», підтверджується даними низки сучасних досліджень.

Ключові слова: діахронічна соціолінгвістика, мовні контакти, меншість, престижний мовний варіант, фонетичні зміни.

На формирование говора г. Таганрога и некоторых других населенных пунктов северного Приазовья существенное влияние в XIX в. оказала речь влиятельного греческого меньшинства. Славянское население города, особенно женская его часть, на определенном этапе стало имитировать некоторые характерные фонетические особенности речи местных греков, имевшей в обществе высокий престиж. Эти приобретенные черты распространились по всему северному побережью Азовского моря, а также проникли в города и станицы юга Обл. Войска Донского. Заимствованные фонетические черты сравнительно быстро превратились в структурные особенности говора славянского населения и более не являлись осознанной или неосознанной имитацией. Тот факт, что именно женщины могут становиться инициаторами и проводниками так называемых языковых «изменений сверху», подтверждается данными ряда современных исследований.

Ключевые слова: диахроническая социолингвистика, языковые контакты, меньшинство, престижный языковой вариант, фонетические изменения.

This paper focuses on the outcome of the Greek-Russian language contact in the port-town of Tapnrog and the adjacent district evolving in the course of approximately 150 years, i.e. from the late XVIIIth c. to the early XX* c. Some phonetic features characteristic of the former local Russian accent can be attributed to imitation of the distorted Russian speech of the Greek population, which used to dominate the economic life of the area for about a century. In the case of the Northern Azov coast varieties of Russian we deal with an example of mixed urban dialect constituted by the idiom of a quantitative majority (Slavs) on the one hand and that of a minority (local Greeks) on the other.

Keywords: diachronic sociolinguistics, language contact, minority, prestigious variety, phonetic changes.

Стаття надійшла до редакції 11.09.2013 р.

Прийнято до друку 25.09.2013 р.

Рецензент – д.філол.н., проф. Зайцева І. П.

УДК 811.161.1

М. А. Петриченко

ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ И ПСИХОЛОГИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ОБЩЕНИЯ

Больше других к высшему из благ стремится то общение, которое является наиболее важным и обнимает собой все остальное общение. Это общение называется государством.

Аристотель, «Политика»

Для наименования управленческой деятельности по налаживанию конструктивных отношений в обществе и его сферах в русском языке официально используются словосочетания общественные связи, общественные отношения, являющиеся переводом английского public relations. В профессиональной и разговорной речи активно употребляются также производные от этого «американца» – пиар, пиарить, пиариться, пиармен, пиарщик, пиар-индустрия, пиар-деятельность, цветной пиар (черный, белый, серый, зеленый, розовый, голубой, коричневый и др.) и т. п. Разветвленное словообразовательное гнездо указывает на востребованность общественных связей, разнообразие их содержания, функций, технологий и на оценку – к сожалению, преимущественно отрицательную. Актуальным поэтому представляется обращение внимания на специфику и психологические условия благоприятного осуществления пиар-деятельности.

В общественных связях (ОС) реализуется важнейшее завоевание демократического общества – свобода слова, презумпция открытости информации. Общественные связи охватывают своей деятельностью все общественные структуры –